Выходитъ въ каждую пятницу.

Адрессъ Редакціи и Администраціи: „ЛЕМКО“ Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 г.
Обявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 22. и 23. Горлицы, пятница 31. мая (13. червня) 1913 года. Годъ III.

ВЫБОРЧЕ ВѢЧЕ!

ВЪ ПЕРШІЙ ДЕНЪ РУСАЛЬ!

Для грибовского повѣта отбудеся въ недѣлю, въ першій денъ Русаль велике выборче вѣче

въ СНѢТНИЦѢ!

по полудни!

НЕ УБОИМСЯ!

На насъ руснакôвъ твердыхъ, то есть на тыхъ, што признаютъ **единство всего русского народа и русской вѣры** настали тяжкы часы на Галицкой земли, на той земли, котра творила колиси велику и сильну православно-русскую державу, де князь Романъ, коли до него пришли римскы кардыналы, обѣцювали му золоты горы, давали му „посваченый“ мечъ отъ папы, лемъ жебы принялъ унію съ Римомъ, жебы получилъ православну русску церковъ съ католицкомъ, на тôй земли днесь не кардыналы, не папа, але власти политычны, для котрыхъ вѣра естъ лемъ оружіемъ политычнымъ, диктуютъ намъ, якой мы вѣры маме быти!

700 лѣтъ тому назадъ самъ папа, тотъ папа, предъ котрымъ въ тôмъ часѣ трепетавъ цѣлый свѣтъ, трепетали цари и королѣ, тотъ папа приславъ своихъ кардыналôвъ и **просилъ** нашого могучого гялицкого князя, штобы поддавъ му русскій народъ, штобы и русскій народъ слухавъ го такъ, якъ нѣмцѣ, чехи, полякы и другы народы запада Але нашъ князь знавъ, чѣмъ пахне унія, знавъ, што коли приняти унію, то то само, што пôддати себе самого и свôй народъ въ „іезуитску неволю!

Але то былъ князь нашъ русскій, наша кровь, та не мôгъ робити свому народу, своимъ дѣтьомъ зле... И не дивно, коли му послы папскы подавали посвяченый мечь отъ самого „святѣйшого отца“, коли му обѣцювали, же тымъ „благословеннымъ“ мечомъ здобуде богато земель и народôвъ, нашъ русскій **князь** вынялъ свôй православный **мечъ и** повѣдатъ: „Не такій ли мечъ у папы?“ Нашъ князь собѣ заразъ подумавъ: „Е, та якъ то може быти, же папа

Святитель-Ермогенъ.

Смиреный. Ермогенъ Патріархъ.

Триста лѣтъ тому назадъ, 17. февраля 1612 года, въ мрачномъ и тѣсномъ подземельѣ Москавского Чудова монастыря, мучениски угасъ яркій свѣтильникъ церкви русской и усердный молитвенникъ и печальникъ зя народъ русскій, великій праведникъ — святѣйшій патріархъ всероссійскій Ермогенъ. Вся жизнь этого мученика — архипастыря, пламенѣвшаго Иліиною ревностью о славѣ Божіей и спасеніи ближнихъ, о благополучіи и процвѣтаніи родины, являетъ собою высоко-поучительный образецъ непоколебимой преданности православной вѣрѣ, беззавѣтнаго послушанія волѣ Божіей, истинноподвижнической жизни, глубочайшаго смеренія въ отношеніи къ себѣ и самоотверженной любви къ родинѣ.

Еще съ раннихъ юныхъ лѣтъ навыкнувъ чтенію слова Божія и святоотеческихъ писаній и изощривъ свой умъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ, святитель Ермогенъ, съ приходомъ въ зрѣлый возрастъ, рѣшаетъ посвятить себя пастырскому дѣланію и принимаетъ священническое служеніе при одной изъ приходскихъ церквей гор. Казани. Какъ мужъ, по отзыву современниковъ, „зѣло премудростію украшенный, въ книжномъ ученіи изящный и въ чистотѣ житія извѣстный“, онъ скоро привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и любовь всѣхъ жителей города Казани и архипастыря-архіепиского казанскаго Іереміи. Въ 1579 г., во время обрѣтенія въ городѣ Казани Казанской иконы Божіей Матери, на святителя Ермогена, тогда еще приходскаго пастыря, какъ на особо угоднаго Господу Богу избранника, выпадаетъ счастливый удѣлъ — поднять съ земли чудесно обрѣтенную на мѣстѣ пожара икону Царицы Небесной, показать ее во множествѣ собравшемуся къ мѣсту обрѣтенія народу и затѣмъ съ крестнымъ ходомъ перенести ее въ сосѣдній храмъ.

По прошествіи восьми лѣтъ послѣ этого событія, святитель Ермогенъ влекомый жаждой высшихъ подвиговъ въ своемъ служеніи Христу, принимаетъ иноческое постриженіе, и, какъ человѣкъ, вполнѣ уже созрѣвшій для духовнаго руководительства, сряду же назначается настоятелемъ Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, а черезъ два года призывается къ высокому святительскому служенію въ санѣ митрополита казанскаго и астраханскаъо, и въ каковомъ санѣ онъ является первымъ изъ казанскихъ архипастырей.

Необычайно было это восхожденіе святителя, но необычайна была и его ревность въ служеніи Христу. Съ возведеніемъ въ священный санъ митрополита, святитель Ермогенъ, какъ бы забывъ всѣ потребности своего личнаго существованія, весь отдается своему новому служенію.

Съ цѣлью удержанія новообращенныхъ татаръ въ православіе, онъ съ истинно-апостольскою простотою и смиреніемъ часто собираетъ **ихъ въ своихъ** покояхъ и храмѣ и подолгу отечески бесѣдуетъ съ ними объ истинахъ вѣры, утверждая ихъ въ благочестіи.

римскій именуе себе наслѣдникомъ Христа на земли, именуе себе „свят҃ѣйшимъ“, а присылатъ мѣ мечъ, штобы убивати ближнихъ, пôдбивати чужи народы и вôдберати мечомъ посвяченымъ ихъ землю“...

И штожъ? Нашь православный князь отправилъ пословъ папскихъ, якъ немытыхъ, бо му росходилося о добро русского народа, бо ôнъ былъ князь нашь, русскій...

Днесъ часы змѣнены... Наши галицкы православны князѣ, котры били ляхôвъ, мадярôвъ, вымерли — мы зостали, якъ тоты сироты, на ласку и неласку своихъ ворогôвъ, котрыхъ били наши князѣ, поляковъ и мадярôвъ... **Теперь они намъ диктують, якой вѣры мы ся маме тримати, теперь мадярскы и польскы жандармы насъ вчатъ,** якъ мы маме вѣрити, до кого маме молитися...

На наши церковны престолы посадили польского грабю, драгона, котрому не вѣра, але политика, не Русь, але „**Polska od morza do morza**“ въ головѣ, другихъ двохъ нашихъ епископôвъ, то стовпы „здрады“, Святой Единой Руси „Мазепии“. Тоты головы нашой церкви послугуются вѣромъ лемъ на то, жебы въ политицѣ верхъ взяли!

Такъ, наша церковь, наша свята вѣра упадатъ, на всходѣ ширится радикализмъ, безъвѣріе, **а наши головы церкви съ тыма радикалами, безвѣрками за панбрацъ, бо тоты радыкалы провадять тоту саму политику, што и они,** тоты радыкалы то ворогы русского народа такъ само, якъ и епископы.

Видно съ того, што имъ не росходится о церковь, о вѣру, лемъ о политику.

„Наши“ епископы выдали агитаціонный „пастырскій“... листъ за украинскыма кандыдатами и казали тотъ листъ читати по нашихъ русскихъ церквяхъ! — **Головы нашой церкви замѣняють домы молитвы на вѣчевы боиска!!!**

О Боже! Чомъ мы такъ низко впали, за што ты такъ карешь русскій народъ? Господи Милосерный, дай нам ищи тото вытерпѣти!

Такъ, мы претерпѣме и тото, бо: „Терпенъ, спасенъ“.,.

Але памятайте, же вы не допнете свого, памятайте, што вы грате **съ тымъ народомъ, котрого князь Романъ отдавъ мечь папѣ съ словами: „Не такій ли мечъ у папы?“**

Памятайте крôмъ того, што грате съ стомиліонным вѣрнымъ народомъ!

Мы не убоимся, бо съ нами Богъ и русскій народъ!

До выборцѣвъ!

Съ кôнцемъ того мѣсяца будеме выберали пословъ до сойму. Якы будутъ выборцѣ, такого выберутъ посла. Коли будутъ выборцѣ хрунѣ, котры за марный грôшъ продадутъ Русь, русскій народъ и свое сумѣня, то русскій народъ пôшле до сойму своихъ ворогôвъ, полякôвъ и мазепинцѣвъ, котры ищы разъ продадутъ Русь и русскій народъ, але южъ не не за пятку, кобасу и палюнку, але та тисячи и за свои гоноры!

Выборцямъ не вôльно ити на свою руку за гроши и за гостину, або за обѣцянку, лемъ такъ, якъ требуе добро народне, бо такій выборецъ, котрый не рахуеся съ общимъ добромъ, добромъ свого народа, лемъ продастъ вѣру, котромъ го даритъ село, не лемъ, же зле робитъ для Руси, **але и для себе, бо тяжко грѣшитъ, свое сумѣня привалятъ каменемъ разъ на все!**

Тотъ грѣхъ не дастся южъ поправити, бо другій разъ до того сойму выберати не буде, якъ разъ повѣстъ каминъ-вода! Пропало!

Коли схрунишь, небоже, та не лемъ тобѣ встыдъ, але твоимъ дѣтьомъ и внукамъ, твому цѣлому поколѣню, котре тя буде проклинати, бо будутъ твоимъ дѣтьомъ вытыкати, будутъ на нихъ пальцями показувати: „**О, смотте люде, ихъ отецъ схрунивъ при выборахъ до сойму въ роцѣ 1913.**“ **Ихъ отецъ продавъ наше село за пятку, або за кобасу!** Будутъ плювити въ тоту страну, кади пôдешь!

Мы мусиме ити до выборôвъ якъ еденъ, мусиме показати, же мы

Со смертію Годунова воцарился въ московскомъ государствѣ самозванецъ. Являясь орудіемъ хитрыхъ іезуитовъ, онъ задумалъ безразсудный планъ ввести на святой православной Руси латинскую вѣру. Въ этихъ видахъ самозванецъ старался расположить къ себѣ сердца русскихъ архипастырей, обольщая ихъ всякими почестями и отличіями, при чемъ, зная объ особенной твердости и преданности православной вѣрѣ казанскаго святителя, онъ особенно желалъ привлечь его на свою сторону. Но не было возможности обмануть или прельстить прозорливаго и неподкупленаго старца-митрополита. Быстро проникнувъ въ лукавые планы самозванца, святитель Ермогенъ, этотъ, какъ его именували современники, непоколебимый столпъ и крѣпкій поборникъ за православную вѣру, бодро сталъ на стражѣ святой вѣры и добрыхъ преданій родной русской старины, рѣшивъ мужественно охранять ихъ отъ возможныхъ покушеній на нихъ со стороны враговъ церкви и родины. По этому, когда самозванецъ, слѣдуя уговору окружавшихъ его иновѣрцевъ, заявилъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ съ лицомъ латинской вѣры, безъ принятія этимъ лицомъ православія, и для него въ Кремлѣ московскомъ, этомъ алтарѣ Россіи, поставить римско-католическій костелъ, святитель Ермогенъ, какъ неустрашимый воинъ Христовъ, мужественно воспротивился этому и смѣло обличалъ непристойныя намѣренія самозванца. За это былъ онъ удаленъ изъ столицы и сосланъ въ заточеніе въ одинъ изъ монастырей казанской епархіи.

Выпавшая на долю смѣлаго и нелицепріятнаго святителя кара, принятая имъ съ полной покорностью волѣ Божіей, не была на этотъ разъ продолжительна. Самозванецъ въ скорѣ погибъ, а русское царство перешло въ руки одного изъ потомковъ древняго рода Рюриковичей — престарѣлаго князя Василія Іоанновича Шуйскаго. Царь Василій, питая особую любовь и уваженіе къ заточенному святителю, снова вызвалъ его въ столицу, а въ то же время соборъ русскихъ архипастырей избралъ его на катедру московскаго и всея Россіи патріарха.

Сватитель Ермогенъ въ то время уже глубокій семидесятилѣтній старецъ, со смиреніемъ и преданностью волѣ Божіей принявъ это избраніе, мужественно вышелъ на предлежавшій ему путь стоянія за святую вѣру, на путь страданій за родину. Болѣя всѣмъ сердцемъ и душой за бѣдствія родной страны, ниспосланныя свыше, за оскудѣніе вѣры и благочестія въ народѣ и напрягая всѣ усилія къ водворенію мира и порядка въ государствѣ, патріархъ Ермогенъ, воодушевленный чистою и глубокою любовью къ своему народу, въ расылаемыхъ имъ во всѣ области страны увѣщательныхъ грамотахъ, отечески призывалъ русскихъ людей мужественно и неизмѣнно стоятъ за вѣру, отечество и православнаго царя.

Съ низложеніемъ Василія Шуйскаго съ престола, положеніе государства русскаго сдѣлалось еще болѣе бѣдственнымъ: государство осталось вовсе безъ царя. Тогда взоры вѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи устремились къ первосвятительскому престолу, на которомъ бодро стоялъ любимый и всѣми почитаемый архипастырь патріархъ Ермогенъ. Сдѣлавшись во время междуцарствія первымъ человѣкомъ въ государствѣ, онъ подалъ рѣшительный голосъ за избраніе царя изъ среды самихъ русскихъ бояръ, причемъ особенно указывалъ на малолѣтняго сына тогда митрополита ростовскаго Филарета Никитича — Михаила Федоровича Романова. И это указаніе доблестнаго патріарха было пророческимъ голосомъ, возвѣщавшимъ русскому народу волю Божію.

Между тѣмъ враги православной вѣры и церкви мечтали посадить на престолъ польскаго Королевича Владислива. Убѣдившись въ своемъ безсиліи одолѣть многочисленныхъ сторонниковъ этого королевича, патріархъ Ермогенъ рѣшилъ уступить ихъ желанію, но при томъ непремѣнномъ условіи, „если, — какъ онъ говорилъ, — королевичъ крестится — и

найчестнѣйши въ селѣ на правду, коли народъ отдавъ намъ свое добро въ руки, мы його добра не продаме!

Будешь небоже разъ голосувавъ, але якъ зле, то на всегда ганьба тобѣ!

Выборецъ.

НАШИ КАНДЫДАТЫ.

Политическимъ О-вомъ **„Русская Рада“** во Львовѣ, утверждены слѣдующіе кандидаты въ депутаты галицкаго сейма отъ Русской Народной Организаціи:

1) Коросно (судеб. уѣзды Коросно-Дукля) Владиміръ Курыловичъ, депутатъ парламента и совѣтникъ апеляціи во Львовѣ.

2) Горлицы (судеб. уѣздъ Горлицы) свящ. Михаилъ Юрчакевичъ, настоятель прихода въ Чорномъ.

3) Сянокъ (судеб. уѣзды Сянокъ-Буковско-Рымановъ) д-ръ Александръ Савюкъ, адвокатъ въ Сянокѣ.

4) Ярославль (судеб. уѣзды Ярославль - Порохникъ - Радымно - Сѣнява) Илья Дуда, земледѣлецъ въ Теплицахъ.

5) Турка (судеб. уѣзды Турка-Борыня) Игнатій Гошовскій, судья въ Дрогобычѣ.

6) Самборъ (судеб. уѣзды Самборъ-Лука) Антонъ Криськовъ, помѣщикъ въ Унятычахъ.

7) Перемышль (судеб. уѣзды Перемышль-Нижанковичи-Дубецко) Антонъ Федакъ, земледѣлецъ въ Поздячѣ.

8) Яворовъ (судеб. уѣзды Яворовъ-Краковецъ) Иванъ Максимовичъ, домовладѣлецъ въ Яворовѣ.

9) Рава русская (судеб. уѣзды Рава русская-Немировъ-Угновъ) Владиміръ Перфецкій, судья въ Равѣ русской.

10) Городокъ ягелл. (судеб. уѣзды Городокъ-Яновъ) Василій Яцышинъ, земледѣлецъ въ Любѣньѣ великомъ.

11) Дрогобычъ (судеб. уѣзды, Дрогобычъ-Медыничи-Подбужъ) Николай Лютыкъ земледѣлецъ въ Ролевѣ.

12) Жолква (судеб. уѣзды Жолква-Куликовъ-Мосты вел.) Семенъ Лабенскій, редакторъ во Львовѣ.

13) Львовъ городъ д-ръ Владиміръ Антоновичъ врачъ во Львовѣ.

14) Жидачевъ (судеб. уѣзды Жидачевъ-Журавно-Николаевъ) д-ръ Михаилъ Сохоцкій, адвокатъ въ Туркѣ.

15) Долина (судеб. уѣзды Долина-Болеховъ-Рожнятовъ) Онуфрій Гецевъ, профессоръ гимназіи во Львовѣ.

16) Калушъ (судеб. уѣзды Калушъ-Войниловъ) Онуфрій Гецевъ, профессоръ гимназіи во Львовѣ.

17) Каменка струм. (судеб. уѣзды Каменка струм.-Бускъ-Радеховъ) Гавріилъ Мулькевичъ, мѣщанинъ въ Каменки струм.

18) Броды (судеб. уѣзды Броды-Лопатынъ-Залозцы) д-ръ Димитрій Марковъ, депутатъ парламента въ Вѣднѣ.

19) Бережаны (судеб. уѣзды Бережаны-Козова) Степанъ Кульматицкій, земледѣлецъ въ Городищѣ.

20) Чортковъ (судеб. уѣзъ Чортковъ) Андрей Марчакъ, начальникъ громады въ Бѣлой.

будетъ въ православной вѣрѣ, въ противномъ случаѣ онъ не соглашался дать своего благословенія на избраніе Владислава. Одинъ изъ приверженцевъ польскаго королевича, уговаривая патріарха отступить отъ своихъ требованій, даже съ ножемъ бросился на него, но безрепетный святитель, ограждая крестнымъ знаменіемъ руку злодѣя, сказалъ: „не страшусь твоего ножа, вооружаюсь противъ него силою Креста Христова“, и остался непреклоннымъ въ своихъ требованіяхъ. Любящее православную вѣру и Родину сердце патріарха предчувствовало тѣ бѣдствія, которыя ожидали бы Россію въ случаѣ воцаренія въ ней лица латинской вѣры.

Между тѣмъ стоявшія подъ Москвою польскія войска, опираясь на поддержку измѣнниковъ роднымъ завѣтамъ и на начавшіеся переговоры съ Владиславомъ, вступили въ русскую столицю и начали въ ней хозяйничать и глумится надъ православіемъ. Съ великою скорбью видя поруганіе отъ враговъ храмовъ Божіихъ, святѣйшій патріархъ Ермогенъ сталъ призывать русскихъ людей подняться на защиту вѣры и Отечества. Голосъ патріарха, воплощавшаго къ себѣ образъ истиннаго пастыря, начертанный въ святомъ Евангеліи, услышанъ былъ въ разныхъ концахъ великой страны русской. Подъ вліяніемъ смѣлыхъ увѣщаній первосвятителя, народъ русскій какъ бы вспомнилъ временно забытые завѣты предковъ о защитѣ церкви и родины; въ странѣ повсюду началось народное движеніе; составилось стотысячное ополченіе, двинувшееся къ Москвѣ на освобожденіе столицы изъ рукъ иновѣрцевъ.

Ставъ предъ лицомъ такого всеобщаго воодушевленнаго народнаго движенія, пробывавшіе въ Москвѣ Поляки и перешедшіе на ихъ сторону Русскіе, измѣнившіе завѣтамъ Родины, потребовали отъ патріарха остановить это движеніе, но неустрашимый старецъ-патріархъ и здѣсь не поколебался. На всѣ дерзкія требованія и даже угрозы смертью онъ смѣло говорилъ; „вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ небесный и давну желаю пострадать за правду“.

Озлобленныи враги, видя свое безсиліе поколебать, твердость святителя, объявили его низложеннымъ съ патріаршаго престола и бросили въ тѣсную, сырую и мрачную пещеру въ подземельяхъ Чудова монастыря, гдѣ морили его голодомъ. Но и эти тяжкія страданія не могли сокрушить крѣпкой, какъ адамантъ, воли патріарха Ермогена. Онъ и изъ мрачнаго подземелья, стоя уже предъ лицомъ грозной смерти, одинокій и безпомощный, продолжалъ призывать русскій народъ положить душу свою за домъ Пречистыя Богородицѣ, за святыхъ чудотворцевъ и вообще за вѣру православную, обѣщая всѣмъ защитникамъ ея свое благословеніе и разрѣшеніе грѣховъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ. Это уже предсмертное слово мученика-патріарха, сдѣлавшееся извѣстнымъ во всѣхъ областяхъ страны русской, еще сильнѣе воодушевило православныхъ на борьбу съ невѣрными.

Въ то же время Поляки и измѣнники изъ русскаго народа не теряя надежды сломить мужество готоваго уже отойти въ небесныя обители святителя, снова спускаются къ нему въ подземелье и снова требуютъ, чтобы великій праведникъ своимъ мощнымъ святительскимъ словомъ остановилъ вождей народнаго движеня — князя Пожарскаго и Минина отъ наступленія въ Москвѣ. Но великій стоятель за православную вѣру и за святую Русь святѣйшій патріархъ Ермогенъ уже слабѣвшимъ отъ великихъ страданій голосомъ сказалъ мучителямъ: „да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія московскаго государсува, а вы, измѣнники, будьте прокляты“. И въ скорѣ послѣ этого отъ скуднаго питанія и отъ всѣхъ пережытыхъ лишеній, великій праведникъ совершенно изнемогъ и 17. февраля 1612 г. предалъ свою чистую и праведную душу въ руки Божіи.

Такъ угасъ великій свѣтильникъ церкви русской, непоколебимый столпъ и поборникъ православія, усердный молитвенникъ и печальникъ за родную землю, котораго еще при жизни прославляли, какъ истиннаго пастыря, душу свою полагавшаго за овцы, какъ „стоятеля противъ враговъ крѣпкаго и непобѣдимаго, твердаго адаманта“, какъ „обличителя на предателей и разорителей христіанской вѣры“.

Память о святѣйш. патріархѣ Ермогенѣ отъ дней его кончины и донынѣ блистаетъ яркой и лучезарной звѣздой въ сердцахъ вѣрующихъ сыновъ Россіи. Православные русскіе люди въ глубинѣ сердца чтутъ патріарха Ермогена истиннымъ уходникомъ Божіимъ и неисчерпаемымъ сосудомъ благодати Божіей и вѣруютъ, что, и по отшествіи своемъ въ горній міръ, онъ остается усерднымъ молитвенникомъ за всѣхъ притекающихъ къ нему съ вѣрою и любовію.

Приливъ этой народной вѣры въ святость патріарха Ермогена и молитвенное почитаніе его особенно усилились во дни недавней скорби и смуты народной, когда въ тягостной тревогѣ за судьбы отечества вѣрующіе сыны Россіи у гробницы мученика-патріарха, пережившаго нѣкогда тоже годину народнаго смятенія, хотѣли найти собѣ утѣшніе и облегченіе своихъ тяжелыхъ думъ о родинѣ.

Отъ „головы“ и т. д.

Всѣ совратились съ пути, всѣ растлились; нѣтъ творящаго добро, нѣтъ ни одного.

Псаломъ Давидовъ 14. ст. 3.

Часть духовенства галицко-русского народа, почавши отъ митрополита, скончивши на священнику, кругомъ съ гангреноване ложномъ наукомъ римского іезуитизма. Всѣмъ еще въ памяти фактъ, якъ митрополитъ, грабя Шептицкій въ праздникъ святого Юрья во Львовѣ съ церковной амбоны въ присутности сотокъ людей зрôвналъ русску церковь съ кобыломъ, якъ священникы - мазепинцы надуживаютъ св. мѣстця и сповѣди въ цѣляхъ агитаційныхъ. Ложь и донунціаторство на своихъ сотоварищей - священникôвъ; въ верхахъ засъ слѣпая вѣра въ денунціяціи и жажда мести, вотъ орудіе котрымъ клиръ католическій противъ нелюбыхъ собѣ людей воюе. И многими фактами католического соблазна обогатилася наша церковна литература за послѣдны рокы. Повидимому во всѣмъ имъ легко иде, но съ народомъ не такъ скоро, якъ того сподѣвалися. Но отчогожь есть сповѣдь? И сповѣдь служитъ средствомъ мазепинскимъ ксендзамъ на агитаціи, скверны доносы и т. д., лемъ штобы дойти до жаданой мети т. е. снищити то вшытко, што русскость припоминатъ. Деморализація совѣсти мазепинскими ксендзами у русского народа веде ся въ найбôльше циничный и съ горы обдуманый способъ. Вѣра во святость сповѣди совсѣмъ ними подрываеся и основы тои вѣры сильно поколебались въ сердцахъ православнаго русского народа.

Въ Новомъ - Санчѣ есть ксьондъ-мазепинецъ именуемый „Гадзевичь“. Самборщина его добре памятатъ а не менше и тотъ ксьондзь памятатъ Самборъ. Якъ ôнъ сповѣдатъ послухайте:

Певного кондуктора жена заточена на мазурщинѣ пôдъ Краковомъ хотѣла сповѣдатися, а же мала якы-то интереса въ Санчѣ, пôшла прото тамъ и до сповѣди, въ часѣ котрой звѣдуеся егомость Гадзевичь, якы книжкы и газеты читатъ, на што му она отповѣла, же читатъ книжечкы Общества Качковского и газету „ЛЕМКО“.

Втоды егомость якбы ошалѣлъ — бôльше, якъ цѣлу годину тrималъ ю клячучу при сповѣди, кричалъ и ганьбилъ, потôмъ загрозилъ ей, же якъ дальше буде читати тоты книжкы и газеты, то ей зъ церкви выпровадитъ, бо о позволенье сповѣдатись предь нимъ мусѣла бы писати ажь до папы римского. Вшыткого того, што тотъ егомосьць повѣдалъ ей на сповѣди тутъ не повтарятся, бо мы мусиме мати за него яко репрезунтующого русского священника, краску стыду на лици, лемъ требуеме отъ него бôльше тактовности, не дѣлати своимъ поведеньемъ мерзкимъ соблазна меже вѣрныма. Слѣдовало бы Общ. Качковского рѣшительно запротестувати противъ агитаторôвъ въ священническихъ рясахъ, а людямъ бойкотувати такого мазепу-ренегата, не ити до него ни до сповѣди, ни на богослуженье, ни жадныхъ данинъ йому не давати. Такихъ сповѣдникôвъ русскій народъ не потребуе и не прийме ихъ.

Нехай собѣ егомосьць „Гадзевичь“ не мыслитъ, же ôнъ бараны пасе въ горахъ Карпатахъ, а коли хце зо сповѣди робити ярмакъ, то лучше буде, коли стане гандляромъ безрогъ, або пôйде на кальварію паславску огуркы съ юхомъ спродавати. Съ Самбора пришолъ до Санча лемъ кусъ скомпромитованый, но нехай уважатъ, жебы судьба еще гôрше на нѣмъ ся не помстила. Вы засъ сандецкы русснакы якъ колѣйовы, такъ и мірскы отвернѣтся отъ такого брутального чловека (а есть ихъ тамъ бôльше такихъ) нехай зна, же кто рые, того бютъ по рылѣ.

А. Х.

Зъ газдôвства.

Въ нашихъ гôрскихъ странахъ трудно газдувати, бо трудно, але хто зна газдувати, то и такъ выйде на свое. Мы не вывеземе на торгъ мѣхы пшеницѣ, ани жита, не одôшлеме вагонами плодôвъ нашой худой земли до инщихъ краѣвъ, бо тѣхъ плодôвъ для насъ самыхъ не выстарчатъ, мы сами мусиме докупувати. А на купче треба грайцаря... А де того грайцаря взяти? На заробокъ въ нашимъ краю нема ся што опущати! Треба ѣхати за море, жебы дашто заробити! Але газдуютъ декотры, што цѣлкомъ за море не ѣздятъ и добрѣ ся имъ поводитъ, але лемъ тымъ, што знаютъ газдувати...

Видите, што нееденъ газда робитъ, добрѣ рукы по лôктѣ не зробитъ и не може ся ничого доробити, другій ся такъ не прикладатъ до роботы, а добрѣ му газдôвство иде, зѣстъ добрѣ, выспится... А то лемъ томъ, бо тотъ другій лѣпше газдуе, зна лѣпше газдувати.

Еденъ газда презимуе быкы, та на нихъ втратитъ, а другій два разы заробитъ.

Головну вагу, якъ робятъ гôрскы народы, треба класти въ насъ на хôвъ худôбкы, на паствиска и на потраву, бо якъ не зорве грайцаръ съ худôбкы, зъ быдлятка, та съ иншого не зорве. А въ насъ малу увагу звертаютъ на паствиска: Гонятъ отъ хыжы далеко, на толоку, налижеся того камѣня, бо паствиско нихто не справитъ, верне голоднѣйше до стайнѣ якъ вышло и ма роснути, ма ся поправяти! И не дивно, же въ нашихъ горахъ

Святая Русь.

(Дальше).

Любимый отрокъ (тѣлогранитель) князя, Георгій, родомъ изъ венгерцевъ, носившій возложенную ему княземъ на шею гривну, палъ на тѣло своего господину съ крикомъ: „Не оставлю тебя, но гдѣ гибнешь ты, тамъ и я кончу жизнь!“ Его тоже проткнули копьями, и такъ какъ не могли сорвать съ шеи драгоцѣнную гривну, то срубили ему голову и отбросили ее, такъ что потомъ между множествомъ труповъ нельзя было распознать его тѣла.

Чуть дышащаго князя Бориса убійцы завернули въ матерію шатра и положили н колесницу. По дорогѣ встрѣтились посланные Святополка, и одинъ изъ нихъ вонзилъ свой мечъ въ серце князя. Это было въ воскресенье, 24 іюля. Тѣло его было привезено и тайно схоронено въ Вышгородѣ (село на Днѣпрѣ въ 17 верстахъ отъ Кіева).

Св. Борисъ былъ строенъ и величественъ, плѣнялъ всѣхъ красотой и ласкавымъ обхожденіемъ. Взоръ у него былъ пріятный и веселый. Онъ отличался храбростью въ битвахъ и мудростью въ совѣтахъ.

По убіеніи св. Бориса, Святополкъ замыслилъ убить и Глѣба. Онъ послалъ къ нему гонца съ извѣстіемъ, что отецъ ихъ тяжко боленъ и зоветъ его къ себѣ. Быстро собрался Глѣбъ, взялъ съ собой малою дружину и поспѣшилъ выѣхать, чтобъ застать отца въ живыхъ. У Волги конь повредилъ (попсулъ) ему ногу, и онъ водой поплылъ къ Смоленску. Противъ урочища Смядинъ князя нагналъ гонецъ отъ княжившаго въ Новгородѣ брата его Ярослава и разсказалъ о кончинѣ Владиміра и убіеніи Бориса.

Огорченъ былъ Глѣбъ смертью отца и еще болѣе гибелью брата. „Не услышу болѣе, — говорилъ онъ, — кроткихъ наставленій твоихъ, братъ мой любимый! Если получилъ ти милость у Бога, моли Его, чтобъ и я пострадалъ, какъ ты. Лучше мнѣ быть съ тобою, чѣмъ въ этомъ зломъ мірѣ“. Такъ рано постигъ онъ суету земную.

Еще плакалъ князь отъ ужасной вѣсти, какъ его настигли посланные Святополкомъ убійцы. Спутники князя увидѣли ихъ и взялись за оружіе. Глѣбъ сказалъ имъ:

„Братцы, если мы не будемъ драться, они возьмутъ меня и поведутъ къ брату, а иначе всѣхъ насъ убьютъ“. Приблизившись къ лодкѣ князя, они напали на него. Онъ воздѣлъ руки къ небу и сталъ молиться со слезами. Во время его молитвы стоявшій сзади его поваръ (кухаръ) злобствовавшій на него, вытащилъ свой ножъ и, схвативъ его за голову, вонзилъ ножъ въ горло. Какъ непорочный агнецъ, палъ невинною жертвой юный князь Глѣбъ и соединился навѣки въ небесномъ царствѣ съ любимымъ братомъ. Это было 5 сентября.

Убійцы, не погребая тѣла, бросили его недалеко отъ берега, между двумя колодами, прикрыли хворостомъ. И на этомъ мѣстѣ стали являться знаменія: иногда загорались огни, иногда слышно

таке шытко дробява тотъ статочокъ, лемъ ся завертатъ отъ вѣтру!

Мусите знати, же не лемъ въ насъ горы, але сутъ и во сьвѣтѣ ищы бôльши отъ нашихъ, а тамъ статокъ якъ пецы, ажъ ся преливатъ! Але такъ ходятъ коло того быдлятка на пальцяхъ, тамъ му догаджаютъ, бо знаютъ, же якъ быдлятку будутъ лѣпше догаджати, та и оно имъ догодитъ, коли буде быдлятко лѣпше жило, та и они будутъ лѣпше жити.

Головна рѣчь въ нашихъ горахъ то паствиска! Паствиско треба конечнѣ справити, треба прогноити, посѣяти даякой гравы, то тотъ еденъ кавалокъ буде бôльше значити, якъ цѣла толока!

Што робити, коли коровы затримуютъ молоко? Декотры коровы по вытелѣню затримуютъ молоко и не хцутъ пустити при доѣню, покля не пôдсадите телятко пôдъ ню. Видите, якъ кажда мама старатся о дитину, жебы была сыта, такъ и нерозумне быдлятко боится, што якъ пуститъ молоко, то телятко буде голодне. А коли хочете теля сами молокомъ поити, та треба ся брати на спосôбъ, жебы добыти молоко отъ такой коровы: Треба старатися отвернути увагу такой коровы отъ теляте черезъ драпаня коло рогôвъ, гласканя, положити зимный окладъ на крижи и т. д. Треба старатися, жебы корова не видѣла теляте, ани жебы не слышала його голосу. Тѣжъ кминъ и насѣня ядлôвця змѣшаны съ грисами, розпущены тепломъ водомъ на поливку, найлѣпше на нôчь добрѣ робятъ для оддания молока.

Кретъ (кертиця), то найпожиточнѣйше звѣрятко для газды. Дуже люди думатъ, же кретъ, то шкôдникъ и забиваютъ го. Мате знати, же 1. кретъ до рока зъѣдатъ 11. тисячи шкôдниковъ, котры подгрызаютъ рослины, и жебы не креты, то мы бы зо своихъ посѣвôвъ ани поливинку не зобрали!

ЗЪ ЭКОНОМІИ.

(Статья надослана).

Основуйте по парохіямъ и селамъ кредитно-торговельныи общества, кассы, молочныи спопки и всякіи другіи!

Въ канцеляріи кредитно-торговельного общества т. е. въ кассѣ, сидѣли три директоры: священникъ, учитель и хлопъ-крестьянинъ. Въ розговорѣ зашла рѣчь и о нашихъ обществахъ по селахъ. „Дивно — сказалъ священникъ — що наши всякіи общества въ большинствѣ такъ тупо и слабо розвиваются. А вѣдь же то наше единое спасеніе, единственный спосôбъ улучшенія нашей гôрькой тажелой доли и житья-бытья“.

„Тѣмъ бôльше то удивительно, перервалъ учитель — что по селахъ а особенно на нашей Лемковщинѣ не бракъ людей крестьянъ сознательныхъ, розумныхъ, котры дуже добре сознаютъ, якъ много, премного корысти принесли бы намъ такіи экономичныи общества“.

„Выходило бы на тое — сказалъ снова священникъ — што наши крестьяне-народъ еще не доросли до того, чтобъ сами могли основувати и вести дѣла такихъ обществъ. Бо хотя одиницѣ сутъ, то всѣ прочіи, ихъ якъ то не понимаютъ, же розумѣютъ цѣли и корысти такихъ обществъ и ихъ не пôддерживаютъ, такъ якъ бы тое нужно бы было и якъ то смогли бы пôддерживати, если бы люде схотѣли. А и скажу еще бôльше, не то що не пôддерживаютъ, но по глупотѣ своей а бôльше еще по злобѣ своей, стараются такимъ обществамъ пошкодити. А все то изъ того, што завелика темнота-ночь. На тое отзывается и третій директоръ кассы крестьянинъ С. Г. К. и говоритъ такъ: „Дѣйствительно то все правда. А всему тому причина тая, якъ вы его-егомость сказали, што у насъ еще ночь-темная. А вторая причина, то у насъ бракъ великій людей, не говорю интеллигенціи, но вообще недостаетъ намъ людей свободныхъ, независимыхъ, которые бы могли свободно безъ журбы о свôй хлѣбъ и житье и родину занятися, и отдатися всецѣло роботѣ коло народныхъ дѣлъ. Ибо во всякомъ обществѣ и вообще во всякомъ дѣлѣ нужный чоловѣкъ, котрый имѣлъ бы свободное время и былъ бы обезпеченъ матеріально, котрый бы все тое рушалъ и велъ впередъ и все тое всегда имѣлъ на своей головѣ, на своемъ стараніи и коли потреба созывалъ тôлько всѣхъ и докладивалъ, што и какъ есть и какъ обстоитъ дѣло.

Тогда, если въ селѣ есть хотябы немного людей свѣтлѣйшихъ умомъ, розумнѣйшихъ и если въ томъ селѣ люди не зовсѣмъ туманы, не зопсуты ни уніями ни жидами, то такого чоловѣка всецѣло пôддержатъ, если ужъ не всѣ, то тая лучшая, розумнѣйшая часть навѣрно пôддержитъ такое общество и тогда всякое дѣло въ такомъ селѣ будетъ розвиватися хорошо и пôйдетъ впередъ. Но якъ сказалъ мусить быти хотябы тôлько одинъ чоловѣкъ такій, котрый бы мôгъ свободно такими дѣлами заниматися.

Всякій крестьянинъ, хотябы и съ якимъ предобрымъ и русскимъ сердцемъ и головомъ и сознаніемъ не сможетъ того сдѣлати, бо онъ имѣетъ на своей головѣ и хозяйство (т. е. газдôвство) и поле и родину и если его нѣтъ кому заступити при хозяйствѣ, ôнъ муситъ въ первой мѣрѣ пильновати роботы дома и на поли, бо поле на плугъ, а трава и зерно на косу ждати не будутъ.

было проходящимъ пастухамъ ангельское пѣніе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ охотники (тоты, што полюютъ), занимаясь звѣриною ловлей, нашли честное тѣло. Оно лежало цѣлымъ: ни звѣрь ни птица не коснулись его, не было на немъ тлѣнія. Они разсказали объ этомъ въ Смоленскѣ. Тогда граждане со всѣмъ духовнымъ соборомъ отправились на то мѣсто и узнали въ нетлѣнныхъ мощахъ благовѣрнаго князя муромскаго Глѣба Владиміровича, убитаго на этомъ мѣстѣ; торжественно перенесли они мощи въ Смоленскъ и положили въ храмѣ.

Святополкъ. погубивъ двухъ братьевъ, убилъ еще третьяго, Святослава Древлянскаго, а затѣмъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ ополчившимся на него Ярославомъ Новгородскимъ. Четыре года двилась борьба; Наконецъ, Святополкъ привевъ печенѣговъ и сошелся съ Ярославомъ на берегу той Альты, гдѣ былъ убитъ св. Борисъ. Предъ битвой Ярославъ, воздѣвъ руки къ небу, помолился такъ: „Владыко Господи! кровь братьевъ моихъ отъ земли вопіетъ къ Тебѣ. Молю Тебя, всемогущій Творецъ, Судья праведный отомсти за кровь эту праведную, какъ отомстилъ Ты Каину за кровь Авеля... Вы же, братья мои святые, Борисъ и Глѣбъ, помогите мнѣ противъ этого безбожнаго убійцы!“

Съ разсвѣта вступили въ битву, бились до ночи съ ужаснымъ ожесточеніемъ, врагъ сходился съ врагомъ въ рукопашную, кровь текла ручьями по овгарамъ.

Одолѣлъ Ярославъ, и Святополкъ бѣжалъ въ польскую землю.

Отъ страха и угрызеній совѣсти онъ не могъ остановиться нигдѣ: ему всюду чудилась погоня. „Бѣгите, бѣгите, —

кричалъ онъ, — за нами гонятся!“ Онъ кончилъ жизнь въ Польщѣ въ страшныхъ мученіяхъ душевныхъ, и, какъ передаетъ лѣтописецъ, долго изъ насыпаннаго надъ нимъ кургана выходилъ смрадъ, какъ свидѣтельство лежавшаго на немъ проклятія. Этотъ злодѣй названъ „Святополкомъ Окаяннымъ“.

Когда, утишивъ землю, Ярославъ утвердился въ Кіевѣ, онъ узналъ, что тѣло св. Глѣба находится въ Смоленскѣ, и послалъ за нимъ священиковъ. По Днѣпру тѣло привезено было въ Кіеву, и всѣ увидѣли благовѣрнаго князя какъ бы спящимъ: тѣло было бѣло, какъ у живого, и источало благоуханіе.

Его положили въ Вышгородѣ въ могилу св. Бориса въ 1021 г., и тогда же они оба были причислены въ лику святыхъ. Когда сгорѣлъ храмъ, гдѣ была могила, надъ гробомъ стали появляться огни и слышалось ангельское пѣніе. Тогда надъ святими мощами воздвигнула новая церковь, и мощи вынуты изъ земли. Тутъ же начали совершаться чудеса исцѣленій. Впослѣдствіи вмѣсто деревянной была сооружена великолѣпная каменная церковь во имя *первыхъ русскихъ чудотворцевъ*. При торжественномъ перенесеніи мощей раку (трумну) св. Бориса несли князья, а кмаенную раку св. Глѣба везли на саняхъ.

Во время нашествія татаръ храмъ этотъ былъ разрушенъ до основанія (фундаменту), а мощи благовѣрныхъ князей скрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ, гдѣ остаются и донынѣ.

Преданіе говоритъ, что мѣсто это — подъ святымъ колодцемъ (студенка, находящимся у алтаря теперешней церкви.

Память св. страстотерпцевъ совершается 27. іюля, перенесеніе мощей — 2 мая.

Вспомнимъ о трехъ святыхъ братьяхъ, вѣрно служившихъ благовѣрному князю Борису.

Найлучше, найуспѣшнѣйше всякую народную роботу въ экономичныхъ обществахъ смогли бы и вели бы русскіе интелигенты, напримѣръ священники, учителѣ, а сдѣлалъ бы тое и съумѣлъ бы вести и крестьянинъ розумный, бôльше начитанный и умѣющій хорошо писати, еслибы тôлько былъ такій свободный, штобы не имѣлъ своего хозяйства (газдôства) на головѣ, или мôгъ бы черезъ кого въ немъ заступитися. А на жаль намъ такихъ людей свободныхъ бракуе и нѣтъ ихъ у насъ. Такъ нѣтъ кому вести народныхъ дѣлъ и потому, хотя у насъ есть села и люди русскіе и сознательные, общества наши однакъ не розвиваются такъ, якъ бы то могло быти.

Такъ, правду говорите, — признаю вамъ С., сказаль учитель крестьянину. Но я не цѣлкомъ, не дуже то вѣрю тому, чтобы не было и не могло быти такихъ людей, о якихъ вы говорити. Вѣрно што ихъ теперь нѣтъ, а если есть, то дуже мало. Вѣрно и тое, што русскихъ учителѣвъ совсемъ нѣтъ, а русскихъ священникôвъ што разъ меньшѐ. А и тіи што сутъ, то не смѣютъ рушитися, такъ ихъ пригнели уніяты-католикы.

Но якъ бы крестьяне были бôльше просвѣщенныи и зознательнѣйши, то о такихъ людей легко было бы.

Примѣромъ — продолжалъ говорити учитель — возмемъ наше село, Въ нашемъ селѣ на всѣ доокрестныи села т. е. на двѣ три парохіи могла бы быти одна спôлка молочарска, одна касса, одно торгово-кредитне общество.

Тіи два общества уже бы дали удержаніе одному русскому человѣку, который велъ бы въ дѣла тихъ обществъ и велъ бы организацію въ народѣ. И въ той спосôбъ на каждыи двѣ три парохіи былъ бы такій одинъ свободный независимый человѣкъ организаторъ, о якомъ вы С. говорите. Если бы додати такому человѣку дякôвство, или писарку, то такій стоялъ бы еще лучше и не нужно бы ему было и хозяйства (газдôства).

А теперь за писарку громадъ, то грошики забераютъ всякіи польскіи и жидôвскіи приблуды, котры за наши русскіи гроши, де тôлько можутъ шкодятъ намъ всѣма силами.

А способные молодые люди на такіи мѣста для такихъ обществъ въ каждôмъ селѣ найдутся. Пôслати ихъ тôлько на курса, на практику, якіи устраиваютъ наши общества во Львовѣ, или гдѣнибудь въ другихъ мѣстахъ въ краю. Отбывъ науку на курсѣ и практику, такіе люди уже съумѣли бы вести дѣла обществъ и народной организаціи, а были бы свободныи отъ всякихъ ляшскихъ-католицькихъ властей незалежные.

Такій бы ся уже не боялъ, што его жандаръ за гноевку запише, або што ему егомость дьякôство отберутъ, або староста выкричитъ и писарку отбере. Нужно тôлько конечно на такихъ выбирати людей молодыхъ, энергичныхъ и искреннимъ русскимъ духомъ перенатыхъ и подвижныхъ, не лѣнюхôвъ и нерухалôвъ, а такихъ жвавыхъ, котры всегда и всюду съумѣли бы съ успѣхомъ повести организацію и агитацію.

Ба! а што я еще къ тому доповѣмъ господинъ учитель — снова отозвался крестьянинъ, прошу послухати:

Въ теперѣшнихъ временахъ для русского дѣла нашего такъ тяжкихъ, такы кассы якъ освобожденіе въ Далѣевой, Надежда въ Криницѣ, Лемковская Касса въ Горлицяхъ, если бы ихъ было бôльше якъ вы сказали, на двѣ три парохіи одна касса така, штобы могла и торгувати, могли бы смѣло и прекрасно заступити и сполнити всю службу за всякіи церковныи и громадскіи кассы и принесли бы о много премного бôльше корысти громадамъ, церквамъ и намъ крестьянамъ вообще для русского дѣла и организаціи. А почему? Потому, что въ церковныхъ кассахъ полный газда не комитетъ, не священникъ, а ляхъ чи тамъ украинецъ все равно, бискупъ нашъ превелебный. Онъ ворогъ нашей русской церкви и насъ, яко русского народа непреедналый вѣчный, онъ въ церковныхъ кассахъ рядитъ полновластно и за нашіи русскіи гроши будуе усердно украину и польщу. А есть у священника сила и смѣлôсть оперти ся бискупу? Но сами мнѣ признаете, что не може священникъ выступати противъ своего бискупа! То само дѣе ся и въ громадскихъ кассахъ. Тôлько тутъ снова маютъ госос всякіи люстраторы и выдзяли. Але то все на одно выходитъ. Намъ тіи кассы мало хосенны, мало корыстны.

Такъ выходитъ изъ того, што Вы тутъ оба теперь сказали, перервалъ снова священникъ, што нашии села, парохіи, должни лучитися, единитися разомъ по двѣ, смотря на тое, якій маютъ до себе доступъ на отдаленіе и основывати у себе для себе кредитно-торговельные кассы, молочарскіи спôлки и прочіи. Тіи общества подписывати подъ контроль „Русского Ревизійного Союза и Молочарского Союза“ во Львовѣ. И тіи общества будутъ цѣлкомъ нашими, будутъ чисто русскими и будутъ свободны и незалежны отъ опеки и охроны, чужой и ворожой намъ.

А я еще додамъ тое, — отозвалъ ся учитель — што якъ бы тое сбыло ся, тогда всякіи кассы церковны и громадскіи упали бы и украина и наши вороги не розпоряжалась бы тогда нашимъ грошемъ противъ насъ. А если бы наши кассы ввели торговлю всякыми для села и людей товарами, тогда и жидкамъ піявкамъ

Изъ Венгріи пришелъ къ нему Ефремъ, съ братьями Моисеемъ и Георгіемъ. Георгій былъ убитъ на Альтѣ, прикрывая собой своего князя. Узнавъ объ ихъ гибели, Ефремъ пришелъ искать тѣло брата, но не могъ узнать его, и нашелъ только главу. Онъ приняль иночество и тамъ, гдѣ теперь городъ Торжокъ, построилъ страннопріимный домъ, гдѣ служилъ странникамъ. По открытіи мощей

св. князей Бориса и Глѣба, онъ воздвигъ храмъ во имя новоявленныхъ мучениковъ и основалъ при храмѣ иноческую обитель.

Какая радость была для вѣрнаго слуги видѣть церковное прославленіе его любимаго князя!

Мощи почившаго въ глубокой старости преп. Ефрема покоятся открыто въ соборномъ храмѣ новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. При нихъ нетлѣнная глава его брата Георгія, по его завѣщанію положенная съ нимъ въ могилу.

Третій братъ, преп. Моисей Угринъ, прославился великими подвигами цѣломудрія, много пострадалъ за душевную и тѣлесную чистоту и былъ однимъ изъ первоначальныхъ подвижниковъ въ кіевскихъ пещерахъ, гдѣ почиваютъ его мощи.

Велико значеніе дивнаго подвига святыхъ князей Бориса и Глѣба, явившихся пышнымъ цвѣтомъ русскаго православія, первыми угодными жертвами, которыя выставила Богу Русская земля.

Удивительна высота ихъ праственнаго совершенства: презрѣніе къ смерти, вѣра въ Бога, смиреніе и правда, покорность старшимъ.

Особенно этой послѣдней добродѣтели всегда будетъ поучать ихъ память. Преп. лѣтописецъ Несторъ разсуждаетъ такъ объ ихъ кончинѣ и прославленіи: „Видите ли, какъ важна покорность старшему брату? Если бъ они воспротивились ему, то едва ли бы удостоились такого дара отъ Бога. Потому что и нынѣ много юныхъ князей, которые не покоряются старшимъ, сопротивляются имъ и бываютъ убиваемы, но они не удостоиваются благодати, какъ сіи святые братья“.

И особенно во времена взаимныхъ раздоровъ князей кіевской Руси примѣръ св. страстотерпцевъ служилъ важнымъ напоминаніемъ о мирѣ, любви и согласіи, которыхъ не было среди удѣльныхъ князей; ихъ рознь и предала Русь татарамъ.

Какимъ отраднымъ свѣтомъ сіяютъ лики двухъ святыхъ братьевъ; какою они озарены новою для Руси красотой — красотою смиренной и кроткой души! Ихъ короткая жизнь и славная смерть показываютъ, какъ быстро и богато поднялось на русской почвѣ посѣянное ихъ отцомъ сѣмя.

Немного и недолго потрудились для родной земли благовѣрные князья-мученики, но зато явились сильными и теплыми ходатаями за нее на небѣ, и забота ихъ о русской землѣ и помощь подтверждаются слѣдующими знаменіями.

Когда великій князь Александръ Невскій боролся съ нѣмцами и долженъ былъ вступить съ ними въ бой на берегахъ Невы, одинъ изъ военачальниковъ его, стоя ночью на стражѣ, имѣлъ такое видѣніе:

(Дальше буде).

пришелъ бы конецъ и вынесли бы ся они сами въ Палестину.

А такъ, правда добре было бы, если бы хотя у насъ на Лемкахъ такъ завелося! А всюда оно такъ должно бы быти, сказалъ наконецъ крестьянинъ.

Подавая той розговоръ (который дѣйствительно былъ) до публичной вѣдомости всѣмъ русскимъ людямъ, особенно Лемкамъ, прошу всѣхъ подумати о тôмъ, розсудити между собою, не добре-ли бы оно вышло, якъ бы такъ всюду по нашихъ горахъ пооткрывались такіи общества. И прошу крестьянъ свои мысли объ этомъ подать до вѣдомости въ нашей газетѣ „Лемко“, а Почтеннѣйша Редакція надѣюсь же откажетъ напечатати.

Съ почтеніемъ МАКо!

Кусъ съ политикы.

За границьомъ.

Война на волоску. Струнна военна меже Болгаріомъ и Сербіомъ такъ натягнена, же ждутъ кажду годину вôйны. Сербія выслала до Болгаріи ноту, въ котрôй повѣдомлятъ болгарске правительство, же тоты области, котры заняла въ вôйнѣ съ Турціомъ анектуе, то значитъ, заинтабулюе на себе. На то не хоче згодитись Болгарія и повѣдатъ, же часть той земли ведля умовы предъ вôйномъ съ Турками належится ѣй. И если Болгарія буде дальше при тôмъ обставала, та вôйна буде. А Болгарія завзята и Сербія завзята, цѣлкомъ такъ, якъ наши руснакы и може на Русаля южъ кровь братня ся полѣе.

Въ Монархіи.

Въ Венграхъ президентъ минѣстрôвъ Люкачъ, якыси шахрайства поробивъ, тай го скасували, а на його мѣсце засѣвъ грозный Тиша, дотеперѣшный предсѣдатель парляменту венгерского. Треба знати, же пôдъ його предсѣдательствомъ въ парляментѣ ся били, стрѣляли, кырвавили, а што доперо буде, коли зôставъ президентомъ минѣстрôвъ? Втоды въ цѣлыхъ Венграхъ ся будутъ бити, стрѣляти, рѣзати...

ВЪ КРАЮ.

Найважнѣйша справа, выборы до сойму. Ищы ся вправдѣ не бютъ, бо такыхъ велькыхъ патріотôвъ нема, якъ на Венграхъ, але ся плюгавятъ, паскудятъ.

Найбôльшій маютъ апетитъ на насъ твердыхъ руснакôвъ, зѣли бы насъ давно, кьедъ мы, якъ на злôстъ съ костями ся вродили и боятся, жебы ся нами не вдавили.

Украинцѣ продаютъ русского хлопа полякамъ але въ мѣху, бо якъ бы полякови го вказали съ мѣха такого, якъ ôнъ естъ, та полякы бы не купували, бо зо страху бы повтѣкали.

На Лемковщинѣ: Памятайте, же мате выберати на лемкахъ тыхъ пословъ:

Въ Горлицкôмъ: о. Михаилъ Юрчакевичъ, парохъ въ Чорнôмъ.

Въ Сяноцкôмъ: Д-ръ Александръ Савюкъ, адвокатъ въ Сяноцѣ.

Въ Кроснянскôмъ: Владиміръ Курыловичъ, совѣтникъ суда и посолъ до парляменту.

На хрунѣвъ плюйте!!!

НОВОСТИ.

Наступный нумеръ „Лемка“ выйде ажъ на другу недѣлю не по винѣ редакціи, лемъ зато, бо друкарня маленка, та не можна разомъ друкувати газету и адресы. Мате знати, же того тыжня будеме друкувати новы адресы и то лемъ тыхъ выдрукуеме, котры намъ прислали пренумерату. Але презъ тотъ тыжденъ ищы ся дастъ поправити и хто пренумерату пришле, та ищы го до адресôвъ вложиме. Просиме ся поспѣшити, жебы потôмъ не было гмѣвôвъ.

Комитетовыхъ и мужôвъ довѣря съ горлицкого повѣта, просиме доносити заразъ до нашой редакціи, хто зоставъ выбраный выборцьомъ съ ихъ селъ.

Кошта за картку звернеме!

Коли будутъ выборы, всѣ выборцѣ най зберутся въ нашой редакціи. Зрештомъ о тымъ ищы схоowаме собѣ до наступного нумеру.

Православна церковь — почислила того року Святителя Ермогена въ ликъ своихъ святыхъ.

Афера Редля. Слѣдство въ справѣ шпіонства Редля выказало, же Редль мавъ дуже своихъ среди офицерôвъ австрійской арміи. Вѣденскы газеты пишутъ, же неодовго приарештуютъ масу офицерôвъ, о котрыхъ ся довѣдали же вспôльно съ Редльомъ оначыли.

Въ помешканьо Редля въ Празѣ найдено апараты фотографичны, надзвычай деликатнѣ съ электричнымъ урядженьемъ, такъ же можна было и въ ночы фотографувати.

Недавно до войсковой касы 3 полку улановъ, вламали ся злодѣи и вкрали 27 тысячъ коронъ. Якъ теперь стверджено, то Редль былъ вмѣшаный въ тоту справу бо зъ пѣнязми пропади дуже важны войсковы документы. Въ каждомъ правѣ регимент̂ѣ мавъ Редль своихъ люди медже офицерами — котры му доносили важны рѣшенія команды. Съ дня на денъ сподѣваютъ ся арештуваня рôжныхъ офицерôвъ, — котры выкрываются въ слѣдствѣ. Гварятъ, же австрійскы патріоты такъ сутъ обурены на Редля, же пôшли въ ночы на его грôбъ, откопали, трупа выняли, а грôбъ зровнали съ землъомъ. Редль доносивъ Россіи, якъ мы писали писали въ попередномъ числѣ о русскыхъ шпіонахъ, котры шпіонували въ Россіи на корыстъ Австріи. Россія знала о тôмъ дуже добри, же среди офицерôвъ сутъ австрійскы шпіоны, але не арештувала ихъ, бо бы могла пошкодити Редльови. Але кой Редль ся застрѣливъ, такъ она поѣмала шыткыхъ шпіонкôвъ. Еденъ съ нихъ по назвиску Кузьминъ, коли видѣвъ, же бѣда, застрылився (нашъ лемъ втюкъ до Америкы). Газеты пишутъ, же арештували въ Россіи трехъ генералôвъ шпіонôвъ.

Полковникъ Кузьминъ, якъ ствердили занимався отъ трехъ лѣтъ шпіономаніомъ, и такъ само якъ Редль, выдавъ Австріи вельо документôвъ военныхъ.

Суфражыстки. Можесте чули даколи о суфражыстках, а може и нѣ. Въ насъ ищы того нее по севахъ. Хоцъ-де въ велькымъ мѣстѣ ся трафитъ пару и въ менщымъ примѣромъ въ Лабовѣ або въ Тыличѣ, але взявшы справу поважно, можна повѣсти, же ихъ нее.

Суфражистка, слово не наше. Означатъ оно таку бабу, котра хоче мати рôвны права съ хлопомъ, то значитъ, же хоче быти посломъ до парляменту и до сойму, егомосьцьомъ, адвокатомъ, **докторомъ, кондукторомъ и секвестраторомъ.** Хлопи засъ ся не хтятъ на то згодити, бо втоды бы они мусѣли ѣсти готувати, шматы прати, дѣти бавити и иншы бабскы функціи оначити. А же бабы, якъ сами знате, сутъ завзяты и маютъ довге волосье, аджекъ повстае вôйна.

Найбôльше суфражистокъ естъ въ Англіи и Америцѣ. Тамъ маютъ свои общества и сильну организацію. Належатъ до нихъ переважно стары бабы — хоцъ ся трафитъ и кьеля молодыхъ, але молоды и гарды не хотятъ належати до суфражистокъ, бо и такъ маютъ бôльше право отъ хлопôвъ — бо хлопъ, коли видитъ гарду и младу, та ужъ тото робитъ, што му каже.

Отже суфражисткы провадятъ не лемъ зъ мущинами, але съ правительствомъ борьбу за свои права и не перебераютъ въ средствахъ:

Палятъ домы, нищатъ почты, мечутъ бомбы пôдъ мосты, трены, або зробятъ хоцъ де на пляцу, або на улици такій смрадъ, же не можъ тади прейти, презъ яке пôвъ годины, ажъ ся вычыститъ. Робятъ бурды на улицяхъ такъ, же мусятъ поліціянты фестъ ся намахати, абы ихъ розогнаты, бо знате, же съ бабомъ и дѣтко тяжко порадитъ. Коли возмутъ до арешту суфражистку, то засъ не хоче ничъ ѣсти, такъ же ей мусятъ выпустити на денъ — а потôмъ, якъ си поѣстъ, засъ берутъ до тѣни.

Ани бы нихто не описавъ того вшыткого, што они вырабяютъ абы добыти ся такыхъ правъ, якы маютъ мужчины. Найновшій случай, якы подаютъ газеты естъ такій:

Въ Англіи въ мѣстѣ Емсонъ, шмарилася суфражистка пôдъ конѣ, а коли ей поранену пôднесли и звѣдувалися, чомъ тото зробила, повѣдатъ, же длятого, бы звернути увагу короля и минѣстрôвъ на „покривджены“ женщины...

ПРОСИТСЯ О ЖЕРТВЫ

на

„ЛЕМКОВСКІЙ НАРОДНЫЙ ФОНДЪ“

Жертвы посылати на адресъ:

„ЛЕМКО“

ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.

Надѣли сой мазепинцѣ козацку одеджу,
Тай лемковску съ крикомъ-гукомъ преступили меджу.
Хтѣли вѣру „иначыти“ русскостъ закопати
Нашу святость одобрати асвою намъ дати

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика“ Русь-здрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасуютъ...
Небораки „мазепинцѣ“ съ йойкомъ отлѣтуютъ...

Бей — Михалъ
На Русь наѣхалъ...
Нема Михала,
А Русь зостала...

Грозитъ брыдко
„Pan Korytko“...
Руснакъ гукне,
„Korytko“ пукне...

И якъ Михала
На Руси нестало,
„Korytka“ нестане,
А Русь зостане...

Писмо М. И. Волошиновича до нанашка Ваня Гунянкы.

Дорогый нанашку!

Насамъ передъ Васъ поздоровямъ, потомъ Вашу стару нанашку Гунянчину и Ваши Гунянчата, най роснутъ здорнви, жебы были хлопи зъ нихъ мѣцны якъ бучкы! Же до Лемка не пишу, то ся не гнѣвайте, бо едно мало часу мамъ до писаня, а по друге, што напишу, то „Лемко“ не хоче печатати; тамтого року емъ писавъ повѣсткы и спѣванкы и въ каждѣмъ писмѣ емъ просивъ, жебы печатати, то такъ повѣмъ, жебымъ не збрехавъ, же веце якъ половина тыхъ моихъ писмъ пошла до пеца; то я не зато дописувавъ и посылавъ до редакціи, жебы редакторъ надъ тымъ сой грѣвъ рукы, але ищи емъ сой мисльѣвъ, же хоцъ дашто буде выпечатано въ календарѣ, а тамъ, якъ на деспетъ ничъ не было, кой-же „Лемко“ не хоче печатати што я пишу, зато же я крестьянинъ, то най до „Лемка“ пишутъ такы, Высоко поставлены лица якъ гг.: Меньшиковъ, Д. Н. Вергунъ, М. Ф. Глушкевичъ и др.. то може редакція бы выпечатала ихъ писма, а не мои, бо я простый хлопъ, а зрештомъ кой „Лемко“ мои сочиненія не хоче печатати, та най не печататъ, я ся обыйду а на свой хлѣбъ, я ножъ найду! Не давно пославъ я три стихи до редакціи: „Русское Слово“, стихи: „Русскій народе проснись“, „Не щебечи жайворонку“ и „Русскіи братя несчастныи“, то хоть емъ не просивъ, ани не жадавъ ніякого подарунку, то высше названа редакція прислала мнѣ 10 колоровыхъ открытокъ (вартости 1 К. 20 г.).

Не зато такъ пишу, жебы Редакція „Лемка“ мнѣ посылала подарункы, а зато, же якъ посыламъ дописъ, то жебы ей хоцъ выпечатала.

То Вамъ зато нанашку пишу, жебы стеся не чудували, цимъ вмеръ, ци што ся со мновъ стало; ляха, жида, пана пѣрве смертъ, а русснака не возме съ того свѣта, покля ся не набѣдуе, што до него влѣзе. До „Лемка“ дописувати не буду и най мѣ редакція перестане го высылати. А тото мое писмо (остатне) якъ хоче то най выпечататъ а якъ не хоче то нѣтъ, а просити не буду, бомъ ся достъ напросивъ!

Мих. Ив. Волошиновичъ.

Терре-ферре! Якся наиндичывъ. Ищи отъ землѣ не отросъ, а злости вказуе, ищы молоко съ гамбы не обмывъ, а буде розсуждавъ, якъ амбасадоръ, або министеръ заграничныхъ справъ!

Машъ знати небоже, же тамтого року выдавали „Лемка“ „фаховы“ редакторе, вчены люде, та не дивно, же Твоихъ дописи не помѣщали, а того року выдае чловекъ недовченый хлопъ, та и недовчене пуститъ...

Картокъ съ образками въ насъ нема, бо мы ся въ таке не бавиме, а якъ хцешь, та хибаль даякого деревяного коника ти можу прислати, або „черкавко“, якъ южъ такъ за „чачами“ летишь! А зрештомъ коли машъ часъ, та придь до мя, та ти нонашка дастъ адзимкы съ масломъ, або налисника.

Майте ту „хресныхъ“, та васъ будутъ на старостъ поневерати!

Будже здравъ, а поправся!

Ваньо Гунянка.

НА КАЧЕЛЯХЪ. (На колсыанцѣ).

Ахъ, помчались да взлетѣли
Залетѣли высоко!
Рѣютъ лебеди-качели
Плавно, вольно и легко!

Мы взмываемъ другъ надъ другомъ.
Словно пара голубей;
Съ легкимъ крикомъ и испугомъ
Ты ныряешь въ глубь вѣтвей.

Вѣтерекъ летитъ дорожкой
И играетъ на легкѣ,
И показываетъ ножку
Мнѣ въ сиреневомъ чулкѣ.

Какъ піонъ, ты вся зардѣлась...
Вижу: хочешь соскочить,
Да качели розлетѣлись
И — нельзя остановить.

Молча, тише ходъ пустили...
Говорить — зачѣмъ, о чемъ?
Вѣдь, другъ друга мы любили,
Обмѣнявшися кольцомъ.

Владиміръ Нарбутъ.

УТѢШЕНІЕ.

Ваньо застараный, махнувшы рукомъ гваритъ до свого пріятеля Осифа:

— Но, шытко пропало, буду ся женилъ!

Осифъ: Женишь ся? Йой га! Алесь бортакъ!

Ваньо: Я знамъ, жемъ бортакъ. Но тото одно ня ищи тѣшитъ, же моя фраѣрка ищы глупша отъ мене.

ВЪ СКЛЕПѢ.

Сваха Марина: Гевса хустка ниякъ ся мѣ не подобатъ, ужъ барзъ якыса до ничого.

Сваха Нанка: Баякъ, берте ей, пакъ ся вамъ буде подобала. Прецѣ гамба Ваша не барзъ, гарда а такой сте ся сподобали вашему Тедотови.

ПО ПАНЬСКИ.

А.: Чомъ жесъ ты ся осьвѣдчылъ паннѣ Мусѣ, кой ся женити съ ньомъ не мыслишь?

Б.: А жебымъ могъ ей часомъ поцѣлувати.

А въ насъ иначы.

Ваньо: Якъ емъ былъ въ Америцѣ, то въ насъ кождого осла называли украинцьомъ.

Фецько: Йе а въ насъ каждого украинця называютъ осломъ.

МАТЕМАТЫКЪ.

Хлопецъ до перекупкы: Ей! тето! по колько продаете ябка?

Перекупка: По шѣстъ за 5 крайцаровъ.

Хлопецъ: То значитъ 5 яблокъ за 4 крайцары, 4 ябка за 3 грайцары, 3 за 2 грайцуры, 2 за грайцаръ а едно цавкомъ за дармо. Но то я сой возму лемъ едно. 'те здрави!

НА МАЗУРАХЪ.

Войтекъ: Куба! а кто цѣ ренцники пьеже?

Куба: Яке ренцники, нѣмамъ — заднykь ренцникуфъ.

Войтекъ: А до цего пыскъ уцѣросъ?

Куба: А водъ цогосъ кобылѣ вогонъ! Ренцника бымъ-та суковъ.

„ПАНЬСТВО“ ВЪ КРЕНИЦИ НА СЕЗОНѢ.

Писмо съ Лоси.

Славайсусу Христу!

Окрутнѣ ємъ ся насмѣявъ съ того писма, што написавъ Ваньо Дуганъ, ци якъ ся тамъ зове. Пречытавъ ємъ собѣ казету, въ хыжы потôмъ ємъ взявъ и пôшовъ на сево, сѣвъ ємъ емъ собѣ на дерево, што коло пути лежаво и зачавъ ємъ чытати. А тамъ пришовъ кумъ Максимъ, кумъ Грицъ зза воды и кумъ Ванцьо зза потôчка; были тѣжъ паробкы и двѣ дѣвкы: єдна Ганка, што носитъ все бѣву хустку, а друга Марина, што мае на лици бородавку; (може сте ей даколи видѣли) и были мôй сватъ зъ Новицѣ, што знають робити вжыцѣ. Тай шыткы просятъ ня, жебымъ имъ дашто пречитавъ. Я имъ пречытавъ новинкы, вѣсти зо Свѣта и зачалъ ємъ чытати тото писмо зо Львова, што Ваньо Дуганъ написавъ. Чытамъ шытко, якы домы во Львовѣ, якы ремѣсникы, якы урядникы и зачавъ ємъ чытати тото, жебы Лосяне пôшли съ мазьомъ, а Усцянкы зъ кеселицьомъ до Львова.

Якъ ся зачали шыткы смѣяти, та маво не потрѣскали зо смѣху, а сватови зъ Новицѣ пасокъ пукнувъ на брѣсѣ. Пречытавъ ємъ имъ шытко, а сватъ гварятъ: „Та шытко маютъ въ тôмъ Львовѣ, лемъ ковомази имъ бракуе и кисилицѣ, а чымъ єй будутъ хлипати, кетъ певно вжыцъ не маютъ? Жебы насъ попросили, то мы бы имъ привезли вжыцъ, кôлько бы мотѣли и лѣпше бы быво продати Руснакови, якъ жидови! А ми лемъ все жыдови продаеме.

До насъ неприде нихто купити ани вжыцу, ани вариху, а може ани не знають, же мы робиме тото! Я имъ гварю: „Цытте ле цытте, я ся звѣдамъ Ваня Дугана, ци имъ не треба вжыцъ, та може вамъ покажутъ привєзти!“

Сватъ втихли, — я прочытавъ шытко и пôшовъ ємъ си дугану купити, бо я барсъ люблю грызти. Але то не тотъ зо Львова бывъ, бо не быво написано Ваньо Дуганъ, лемъ „Раухтабакъ“, але най буде яки хоче, завожывъ ємъ собѣ за драбинку и жую и пѣшовъ ємъ домôвъ.

На другый денъ пѣшовъ ємъ до Усця на ярмакъ, купити собѣ керпцѣ и вибачте капелюшъ и женѣ хустку. Найперше ємъ купивъ капелюшъ, потôмъ хустку и пѣшовъ ємъ тамъ, де продаютъ скору на керпцѣ и окрутнѣ ємъ ся зачудувавъ, бо скоры ани на лѣкъ не быво. Были якыси два кавальчыкы, то ничъ я ся не допхавъ, то єденъ кавальчикъ взявъ хлопъ, а другый баба, а мѣ ся южъ не доставо.

Звѣдую ся жыда: „Та чого єсъ такъ маво привюзъ? а вôнъ повѣдатъ: „Булъ дужо та шицко забралъ, Я сой мислю, што то таке, звѣдую ся єдного, другого, але нихто не хоче повѣсти, чого такъ шытку скору покупили, ажъ пришовъ ємъ ку знайомѣ кумѣ зъ Усця, тай ся звѣдую, чого такъ Усцяне шытку скору покупили, а кума мѣ повѣдаютъ, же будутъ керпцѣ шити, бо пѣдутъ съ кеселицьомъ до Львова, въ Петровымъ посцѣ.

Я гварю: та зато я мушу боси ходити? Пришовъ ємъ домôвъ, давъ ємъ выбачте хустку женѣ, а она якъ не скричытъ: А ты бортаку, та єсъ мѣ пôльску хустку купивъ, носъ си ей самъ“!

„А я гварю, та дежъ то пôльска хустка, бѣва зъ чорнима пасочками? Триснува дверми и пôшва. Я жду жебы мѣ дава ѣсти, а єй неє.

Потôмъ пришва и дава мѣ сухой адзимкы самой, я зѣвъ, напивъ ся ввды и пôшовъ до саду одпочыти, а она якъ не скричытъ: А ты стари козубе, та єсъ си люхъ, а компери хто буде копавъ? Я ставъ, взявъ мотыку и пѣшовъ копати и си мыслю: то лемъ гнеска ня вигнава копати, бо зва, але де тамъ, мусѣвъ ємъ каждый денъ ходити, покаль зме не докопали.

Якъ зме скопали, пришовъ ємъ домôвъ и гварю: Боже слава тобѣ, жесме докопали, та си теперь одпочну. А она якъ не скричытъ: А ты стари псе, та здругого хто буде копавъ.

Я собѣ люхъ, тай прошу Бога жебы взаранъ ляво, жебымъ не пôшовъ копати... Бôльше вамъ не мамъ што веце писати, лемъ вась Ваньо поздравямъ и поздравямъ Ваня Гунянку барсъ краснѣ и прошу васъ напиште мѣ, што сте давали свои женѣ, жебы ся съ вами не сварива. Бо я южъ свои н не можу вытримати, такъ ся зовномъ все сваритъ. Не знамъ, што ся и ставо, кетъ дотля така добра быва, якъ адзимка зъ кобасомъ. Ажъ одъ товды ся ѣй штоси ставо, якъ тоту запомогу давали, соли зглиномъ по кôлька кѣльо.

Дали и мѣ той соли, принюсъ ємъ домôвъ, тай гварю: „Потовчъ ей та буде статку, а она повѣдатъ, же шкода статку давати, же и собѣ буде солити, бо теперь предновокъ, та треба на инше пѣнязи, а о соли и отôй ся обыйде. Я гварю, та най буде и такъ, и якъ зачала томъ сольомъ солити стравы, тай ся ѣй штоси ставо, што все зва, все ся

зовномъ сваритъ и бити хоче. Будте же мѣ здравенки, другымъ разомъ вамъ напишу бôльше, а тото, о што васъ прошу, напиште же мѣ напиште.

Будте здравенкы.

Вашъ знайомый.

(Не буду ся вамъ пôдписувавъ, бо и такъ ня шыткы знате, хто сте ня видѣвъ).

Тай маме засъ Русаля. О паскахъ зме не забыли, а ту „кнышы маме. Пастухы маютъ втѣху! Кнышъ, грудка, сыръ, а до того палюнка, бо безъ палюнкы якже? Лемъ же перше пасли парôбкы и дѣвкы, а теперь хлопцѣ и дѣвчатка, а разомъ повѣсти, дѣти. А ту то дрôбява хце заховати тотъ звычай, што и старшы и на палюнку ся складатъ! То зле, бо зле! Даякъ имъ отгваряйте, бо то шкодитъ! Роспустити имъ воды съ цукрьомъ, або съ даякымъ сокомъ, най пютъ, повѣсти имъ, же отъ того ся тѣжъ опье... Бо коли такы зачнутъ палюнку пити, та лемъ ся съ нихъ „бованы“ поробятъ и будутъ такыма ажъ до смерти. Не пійте пастушкы палюнкы, нѣ, бо то отрова, то наше нещестя! Превертати ся и сьпѣвати можете и такъ, якъ піякы, катулятися съ горы на долину, але палюнкы не пійте, бо ся съ васъ не лемъ піякы наробятъ, але и бортакы...

А зрештомъ палюнка теперь для хрунѣвъ, бо прецѣ выборы! Вы знате, што то таке „хрунь“? Якъ свиня робитъ? Правда, же такъ: „Хрю, хрю, хрю!“ Отъ того хрюканя походитъ слово „хрунь“. А кого называютъ хруньомъ? Того звутъ хруньомъ, што такъ, якъ свиня не смотритъ, жебы и другы си поѣли, лемъ бодай вôнъ самъ былъ сытый!

Такій хрунь цѣлкомъ до свинѣ подôбный. Хруньови не росходится, ци другому добрѣ, бодай лемъ йому добрѣ было, за хруня терпитъ часомъ цѣле село, цѣлый народъ. Якъ сутъ на сьвѣтѣ паскудны зьвѣрята, такъ сутъ и паскудны люде, котры ся звутъ хрунѣ. Хруня варуйтеся, ничъ му не бесѣдуйте, бо заразъ донесе жандарамъ, або пану старостѣ!

Якъ „хрунѣ - свинѣ“, такъ хрунѣ-люде“ маютъ найбôльшій попытъ при каждыхъ выборахъ, а найбôльшій попытъ маютъ при выборахъ на стару моду, што треба выберати выборцѣвъ, а тоты выборцѣ выберают посла. „Хрунѣ - свинѣ“ маютъ попытъ зато, бо треба кобасъ для „хрунѣвъ-люди“, хоцъ „хрунѣ - люде“ не гордятъ и кôньскомъ кобасомъ, або хоцъ якымъ „стервомъ“, а хрумѣ-люде“ маютъ попытъ, бо за розмайте стерво продаютъ честъ свого села, свойой громады!

Може ищы не знате, што то сутъ хрунѣ? Хрунѣ то сутъ тоты выборцѣ, што ихъ выберете, жебы голосували на русского посла, жебы такъ ишли, якъ жадатъ добро цѣлого народа, а тоты выборцѣ пôшли на власну руку... Такій выборецъ што иде на власну руку, для свого интересу, звеся „хрунь“. Такій „хрунь - чловекъ“ гôршій, якъ „хрунь-свиня“, бо Панбôгъ свини не давъ розуму, а чоловѣкови давъ. Такій „хрунь-чловекъ“ не вартатъ, же ходитъ по сьвѣтѣ. Съ такого хруня, якъ найдете шапку, та бôйте! Въ тоту страну, што вôнъ иде, плюйте, николи съ нимъ не бесѣдуйте, николи до него ся не притыкайте, бо можете ся заразати томъ страшномъ хоробомъ, котра звеся „хруньство“.

Мы Лемкы хруньствомъ, Славити Бога ищи не заражены, але на всходѣ грасуе тота зараза! Памятайте, же каждый украинецъ „хрунь“, а найбôльши хрунѣ, то головы украѣнцѣвъ, котры за гроши и гоноры продаютъ русскій народъ. Але панове можутъ собѣ быти „хрунями-людми“ и „хрунями - свинями“, а мы хлопи не можеме хрунити, бо мы вѣрны христіяне! Мы повинни боятися грѣху! Мы маме сумѣня! Я вѣрю, же при теперишныхъ выборахъ не буде меже хлопами ани едного хруня, не буде такого, котрôй продастъ свôй гонôръ и гонôръ свого села, котрый позбавитъ чести своихъ дѣти! Мусиме собѣ разъ повѣсти: Хрунѣ не маютъ мѣсця въ русскôмъ народѣ!

Ваньо Гунянка.

ВЪ ГОРЛИЦКЫМЪ ПАРКУ.

Панъ Трофимовичъ до панны Льонѣ: Я прошу панѣ, якъ бымъ ся залюбивъ въ дакой паннѣ то бымъ и въ огенъ скочывъ для ней.

Льонья: Идте же. та - сте ищы певно жадной не любили.

Панъ Тр.: А откаль знате?

Льоня: Та, бо бысте были опалены.

ВЫТЛУМАЧЕНЕ.

А.: Чомъ не знимате шапкы предъ томъ паньомъ?

Б.: Библія заказуе кланяти ся золотымъ телятôмъ.

ПОЛИТИКА.

Сватъ Аксентый: — Но якже свате Асафате уважате, о политычнымъ положеню.

Асафатъ: Я, якъ я. Най бы тамъ бывъ покій.

Аксентій: Но а ваша жена якъ?

Асафатъ: Моиcтевы, рôжнѣ быватъ. Якъ ся даймонато посвариме, а она перше хватитъ кацюбу якъ я, то товды я стою за покоемъ а она за войномъ, а кой я перше хвачу пôдкульокъ втоды она протестуе и хоче спокою.

Думка о атаманѣ Трильовскôмъ.

На долині
Квичат свині
Розкукуричився ко-гут:
Куку - рику
Фіку - міку
Атамана въ морду бют!

Де-який па-цюк — зарывся
У хлівочку в темный кут:
Кві — кві — люде
Што то буде
Вотамана в морду бют!

Підъ горою при — туливця
зажуривця
Батько Прут:
По камінях все мурмоче
Вотамана в морду бют!

А на горі на високой
Білі вівці ця па - сут,
Виливают мокрі слїзи
Вотамана в морду бют!

Ляхъ під вусомъ ось
сьміється
Німецъ реве: „**Das ist gut**“!
Дивуеця жид пархатий
Ой, вай: посла в писокъ бют!

А сїчова Гуцульщина
Гайдамаки в корчмі пют,
А що Ляху — наш вотаманъ?
Так го файно в морду бют!

(„**Smigus**“) Тимофій.

Сваха Аквиля: Ци нее въ вашôй околици дохторя або цирулика?

Сваха Людмиля: Нее свахо, — хрань Боже, — край въ насъ худобный, сами гмераме безъ ничіей помочы.

НА КЛЕБАНІИ.

Нуся: За якого бысъ ся хтѣла выдати Янцю, за бѣлого, ци за чорного.

Янця: Моя Нусю, въ нашыхъ тяжкыхъ часахъ не погорджу и сивымъ!

ШТО ПРАВДА, ТО ПРАВДА.

Панъ учитель пріхавъ разъ до мѣста зо женомъ, паньомъ учителькомъ и съ двома дѣтми.

Въ мѣстѣ втоды акуратъ была мынажерія (така буда, де нѣмцѣ вказуютъ рôжныхъ створôвъ, якъ медведѣвъ, крокодылѣвъ, дикыхъ ослôвъ, украинцѣвъ и иншы говеда).

Аджек учитель взявъ жену и дѣти до той мынажеріи. Въ едной клѣтцѣ было штыри ослы. Панѣ учителька. высоко образована, забрала голосъ и обьяснятъ дѣтьомъ: „Ту мате штырьохъ ослôвъ гваритъ — нянья, маму и двое малыхъ осьлятъ ихъ дѣти. На то маленькій Дзюньо гваритъ:

„Мамцю, а котрый оселъ няньо“?

„Найвекшій оселъ завсе няньо“ — гваритъ — панѣ учителька.

„Jeszcze Polska nie zginęła“!

Походъ польской бойовой арміи въ Горлицяхъ.

„Мова“ выборча Яська Крупы — на собранію въ Горлицяхъ.

Sanowni wybiorcy!

Witom wos moi ściewy nasym staropolskim zwycajem: Niek bedzie pokwolony Jezus Krystus; Przodkiem nojpirwy dziankują sanownym Panom za honór dla mnie Jaśka Krupy, że ście mnie wybrali psywodnicącym tego zybranio a teros prose wos, zebyście nie robili rajwachu skoro kto godać zacnie, niek sie wygodo ile mu gęby wystyrcy, niek sie wypisko jak kralnet na weselu Nie patsajcie, kto godo cy pon cy hop, cy naucyciel cy filanc, cy wielmożny Pon Selencyon Dugos, kuzdemu wolno godać, ot tego gębe mo zeby godoł, a jak nie godo zeby jod, a chociozby som djobeł przysed i swojom evangeliom cytoł, to mu rebeli robić nie trza. Skoro cytać skończy, wtedy moze iść do piekła ze swojom evangeliom między swoik cornyk kamratów, my za niem nie pudzieme i sluchać go nie bedeme ale paragraf jes zeby kuzdemu wygodoć sie było wolno. Moiściewy, wybiorcy! Jo jestem prosty hop, cuć odemnie siecką i borscem ale prose się wobeźreć, przy mnie siedzi pon Selencyon Dugos. Kiej kcecie mieć posła jak sie psynolezy o nie bele jakiego grabioza to się namyślać nie potrzebujecie ino wybirać od razu i kwita.

Moiście wy teroz przednowek, duzo wos jest takik, co ni mocie co za zęby zucić. Więc kuzdemu ozór na brodę wyłazi, skoro posłysy o wyborcej kiełbosie abo o piwie okociemskiem.

Jo joko doświadcony wyborca, kiełbose takom zarłem pore rosy, i śmiało mogę powiedzieć, ze wyborco kiełbasa mo smak wyborcy. No, kto jest za panem Selencyon Dugosem: Widzicie — wsyscy — brawo. — A kto pseciw —? Nima nikogo. — Tako ma być. Zegnom wos, sanowni wyborcy do widzenia.

КАЗАНЯ АМРОЗА.

О! ты святый Асафате!
Злѣ ся дѣе конецъ свѣта:
Братъ на сестру, братъ на брата,
Хлопъ на бабу но и квита!
Руссъ на Ляха, Ляхъ на Русса,
Прусъ на Франца, Францъ на Пруса;
Хлопъ на пана, панъ на хлопа
Балканцѣ на Австріяка,
На Балканцѣвъ вся Европа,
Робитъ зъ Микиты бортака.

Моиствы, якъ тамъ хцете
Лемъ порядного чловека
И зо сьвѣчкомъ не найдете.
Ци гадукатъ, ци егомосьць
Ци учитель, ци бандыта,
Ци министеръ, ци колодѣй
Вера-боже каждый злодѣй.

Лемъ не такій, што вамъ вкраде,
Што му въ рукы де попаде:
Ци пôдкульокъ, ци кваниця
Ци тебетя, ци спôдниця.
Але такій патентъ-злодѣй,
Што и душу зъ Васъ вытягне;
А вы дайте кьедъ забагне!

Конецъ свѣта, моиствы!
Люде грѣху сой набрали,
Отъ Адама и отъ Евы
Але ищы грѣшатъ дале.
Ей, паробци и дѣвчата
И вы панѣ учительки
Меншы, векшы и барзъ велькы,
И вы панны зъ клебаніи
Не робте ребеляціи!
Бо ужъ вы сами не знате,
Якъ ся приберати мате!

И сукенкы, коротенкы,
Спôдницѣ якъ Ногавицѣ,
Пюрка на капелюшыкахъ,
Бляшкы, шрибкы на буцѣкахъ,
Або строятъ такы фиглѣ,
Же сѣдаютъ на байсиглѣ!

Злѣ ся дѣе конецъ свѣта
Гваривъ еденъ „іезуита“!
Пакайте ся грѣшны люде
Пакайте ся бо злѣ буде!
Ангеле будутъ гырмити
А люде будутъ трубити
Зо страху — вѣковъ аминь,

ДВОМЫСЛЕННО.

Панъ въ пекарскôмъ склепѣ: Дайте мѣ францусқу булку за три грайцари. Лемъ выбачте, пѣнязи-мъ зо собомъ не зявъ:

Панна что продає: Ничъ не шкодитъ, дате завтра.

Панъ: Йе а якъ бымъ гмеръ?!

Панна: То и такъ не велькій страхъ.

ПОЧТА.

Руссначка съ Перемышля. Знакъ „К. 1·50“ на „адресѣ“ нема ничъ до Васъ! Бояти ся нее чого. Заплачено мате на цѣлый годъ 1913. Будте здрави, майте ся добри и поздравте Косьця-**rittera**.

Всѣмъ, что пишутъ листы до редакціи, або хоцъ до кого — ци до панны, ци до панича, най сой запамятаютъ, же „Здравствуйте“ не пише ся на кôнци, бо то бы такъ выглядало, якъ наприміръ: Идете отъ кума съ гостины и гварите имъ: якъ ся мате“, въ мѣсто „будте здрави“. На кôнци писма тря умѣстити „пращайте“, „до свиданія“, „остаюсь съ съ почтеніемъ Н. Н.“ або дашто подôбне, але нигда „здравствуйте“.

Всѣмъ тымъ, что дали г. Гузѣлю пренумерату на „Лемка“ въ Америцѣ. Маме честь донести, же г. Гузѣль не давъ намъ жадныхъ адресôвъ, а давъ намъ лемъ списокъ жертвователей на „Лемковскій фондъ“, ввиду того, откаль можеме знати, же дакто давъ пренумерату? Кто давъ, най напище до Редакціи на адресъ:

„ЛЕМКО“
Gorlice — Austria — Galicia

то газету вышлеме, бо иначе не знаме, кто давъ и де естъ, а Америка — край велькій мате знати, то не Змигородъ, ани Мушина.

Издатель Дръ Александръ Гассай. Отвѣтственный редакторъ Дмитрій Вислоцкій.
Зъ печатнѣ Зигмунта Туровича въ Горлицяхъ.